

оригинальная статья

УДК 94(57)+94(510).07+94(510.4)+33(339.5)

Контрабандная торговля русской золотой и серебряной монетой в Западном Китае в 50-е гг. XIX в. (по материалам российского консула К. А. Скачкова)

Ильдар Р. Хамзин^{a, @}^a Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург

@ildar.hamzin1991@mail.ru

Поступила в редакцию 20.01.2020. Принята к печати 27.02.2020.

Аннотация: Рассматривается проблема контрабандной торговли русской золотой и серебряной монетой на территории Западного Китая в 50-е гг. XIX в. Цель – выявить основные причины развития нелегальной денежной торговли на центрально-азиатских рубежах России и Китая. Предметом изучения служат торговая деятельность российских и азиатских купцов в Синьцзяне в 50-е гг. XIX в. и организация таможенной службы на азиатских границах Российской империи. В качестве основных методологических приемов используются метод исторической реконструкции (деятельности купцов), сравнительно-исторический и системно-исторический подходы. Основой для исторического анализа послужили материалы русского консула в Чугучаке Константина Адриановича Скачкова из фонда 273 Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки. На основе материалов К. А. Скачкова проведен сравнительный анализ торговой деятельности русского купца и контрабандиста, который позволяет реконструировать процесс торговли, определить расходы на перевоз товара и коммерческую выгоду, получаемую в результате легальной и контрабандной торговли. Разница в скорости и стоимости доставки товаров, высокий спрос на иностранную монету в Китае определили преимущества контрабандной торговли. Русский консул предлагал конкретные меры для решения проблемы контрабандной торговли русской серебряной монетой на территории Синьцзяна: ужесточение правил таможенного контроля, запись купцов из Средней Азии в русские купеческие гильдии. В этой связи в статье затрагивается вопрос таможенной политики России согласно «Правилам торговли с Западным Китаем». Рассмотрены противоречия, которые были характерны для организации торговых отношений России с Синьцзяном. Сделан вывод, что меновой характер русско-китайской торговли стал главной причиной развития контрабанды золотой и серебряной монетой на территории Западного Китая в 50-е гг. XIX в.

Ключевые слова: русско-китайская торговля, контрабанда, меновая торговля, Центральная Азия, Синьцзян, Чугучак

Для цитирования: Хамзин И. Р. Контрабандная торговля русской золотой и серебряной монетой в Западном Китае в 50-е гг. XIX в. (по материалам российского консула К. А. Скачкова) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 88–97. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-88-97>

Введение

Один из крупнейших советских исследователей международных отношений в Центральной Азии Б. П. Гуревич отмечал, что активное стремление России к открытию рынка Западного Китая для русской торговли стало прямым откликом на события на Дальнем Востоке в 40-е гг. XIX в. [1, с. 254]. В 1842 г. империя Цин проиграла Опиумную войну Англии (1840–1842) и согласно условиям Нанкинского договора 1842 г. была вынуждена открыть ряд морских портов для иностранной торговли [2]. В Российской империи весьма пристально следили за событиями открытия Китая. Большое опасение вызвал рост конкуренции английских товаров на китайском рынке (шерстяных и хлопчатобумажных тканей) с русскими мануфактурными изделиями. Как замечал в 1854 г. кяхтинский градоначальник

Н. Р. Ребиндер русские товары «сходят с рук очень туго. Спроса почти нет. Наши купцы стараются сбывать их не для того, чтобы дать им движение, ибо оно крайне невыгодно, но для приобретения чаев, которые поднимаются в ценах и доставляют большие выгоды»¹. Конкуренция английских фабричных товаров в Китае с аналогичными русскими наблюдалась еще с начала XIX в., но после событий первой опиумной войны ввоз английской мануфактуры в Китай увеличился кратно – с 9236223 долларов в 1831 г. до 20326580 долларов в 1844 г. [3, с. 159]. Несмотря на то, что качество русских товаров достаточно высоко оценивалось на китайском рынке, удобство приобретения промышленных изделий на побережье взамен долгого и дорого пути в Кяхту через Монголию² ставило русский сбыт в невыгодное положение.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 79. Оп. 44. Д. 59. Л. 72.

² В период XVIII – первой половины XIX в. русско-китайская торговля развивалась на границе между Восточной Сибирью (Забайкальем) и Монголией через торговую слободу Кяхта.

В 1846 г. граф К. В. Нессельроде, размышляя о будущем русско-китайской торговли, написал: «все европейские державы устремляются к торговле с Китаем и стараются всеми мерами ее расширить; когда они выговаривают себе доступ в новые порты, выговаривают разные права и преимущества, то самое соперничество теперь других государств побуждает наше правительство к мерам и действиям не отрицательным, а положительным, для расширения своих торговых оборотов с Китаем, сообразно с нашей потребностью фабричной и заводской промышленности ищущих больших для себя истоков... тут дело идет... о сделании Китая более доступным для наших купцов с разных его сторон»³ [1, с. 261]. Русская политика была направлена на поиск и открытие новых направлений русско-китайской торговли. При этом одним из первых объектов русских интересов на территории Цинской империи стал регион Западного Китая, известный под наименованием Восточный Туркестан, или наместничество Синьцзян.

В 1845 г. в Синьцзян под видом купца Хорешева был направлен русский дипломат (к этому времени вице-директор Азиатского департамента МИА) Николай Иванович Любимов [4]. В своем докладе Н. И. Любимов сообщал, что русские товары с успехом могли бы найти своего покупателя на рынках городов Чугучак (Тарбагатай) и Кульджа (Или), тогда как и Синьцзян мог бы поставлять различный товар к русским границам, в том числе и китайский чай [4, с. 8–14].

Вместе с тем произошло укрепление русских позиций в регионе Семиречья. В течение 40-х гг. XIX в. здесь были основаны укрепления Сергиополь (Аягуз), Копал, Лепсинск. В 1845 г. казахские роды Старшего жуза приняли русское подданство [1, с. 265]. Русская пограничная линия вплотную приближалась к границам Восточного Туркестана.

Процесс русского продвижения в Средней Азии совпал с нарастающим кризисом империи Цин. Внимание Пекина в это время было сковано решением вопроса с иностранцами на восточном побережье и началом восстания тайпинов в 50 г. XIX в. Поэтому китайское правительство, долгое время сдерживающее внешние контакты Синьцзяна, в начале 50-х гг. XIX в., вынуждено было уступить русским интересам. 25 июля 1851 г. состоялось подписание Кульджинского договора, по условиям которого русские купцы получили право торговли в двух городах Синьцзяна – Кульдже и Чугучаке⁴.

После официального оформления русско-китайские торговые отношения в Синьцзяне получили быстрое развитие [5]. Но в то же время процесс торговли затруднялся незаконным вывозом русской золотой и серебряной монеты на территорию Синьцзяна. Цель настоящей статьи – выявить основные причины возникновения контрабандной торговли русской монетой в Западном Китае в 50-е гг. XIX в.

Историография и источники

Необходимо отметить, что проблемы русской торговли в Синьцзяне не раз привлекали к себе внимание отечественных и зарубежных исследователей. Дореволюционный период отмечен большим количеством работ и документов аналитического характера, в которых поднимался вопрос о состоянии и перспективах русской торговли в Синьцзяне [3; 6; 7]. В работах А. П. Субботина [8, с. 578] и Н. Крита [9, с. 192] можно увидеть разделы, специально посвященные проблеме контрабандной торговли по русско-китайской границе. Однако авторы сосредоточили свое внимание на проблеме контрабандной торговли чаем, практически не упоминая другие формы незаконной торговли.

В советское время детальный разбор русско-китайской торговли в Синьцзяне в 1852–1854 гг. провел У. Мамутахунов [5]. Автор отмечает, что с 1855 г. русская торговля в Западном Китае пришла в упадок, обосновывая это объективными факторами – восстанием тайпинов, сожжением фактории в Чугучаке, но внутренних причин, которые тормозили развитие русско-китайской торговли в Синьцзяне, историк не раскрывает. Мало внимания уделено вопросам контрабандной торговли по русско-китайской границе и в наиболее крупной советской работе по истории торговых отношений России и Китая М. И. Сладковского [10].

Русско-китайские отношения в Центральной Азии активно изучались и после распада СССР. В этой связи весьма примечательна работа российского историка В. А. Моисеева [11] и специалистов из Казахстана – С. Б. Кожировой [12] и В. В. Галиева [13], рассматривающие различные аспекты русско-китайских торговых отношений в Синьцзяне. В последние годы к вопросу русско-китайской торговли в центрально-азиатском регионе обращались В. Н. Шкунов [14], А. А. Скворцова [15], Е. А. Кравченко [16], А. Н. Ермолаев [17]. Отдельно стоит отметить статью Т. А. Шеметовой, в которой затронута проблематика влияния географических условий на развитие контрабанды на русско-китайской границе, но в более поздний период советско-китайских отношений (1920-е гг.) [18]. В то же время можно наблюдать появление работ, в которых авторы специально обращаются к проблеме контрабанды в контексте истории отношений Российской империи и империи Цин [19–21], рассматривают историю кяхтинской таможни и ее проблемные вопросы [22–24], развитие контрабанды в русско-китайской торговле на Дальнем Востоке [25]. Синьцзян в контексте проблемы незаконной торговли в отношениях России и Китая во второй половине XIX в. до сих пор остается не изучен. Настоящая статья призвана закрыть данный историографический пробел.

Материалы русского консула К. А. Скачкова, ранее не использованные исследователями, позволяют рассмотреть проблему контрабандной торговли монетой в Синьцзяне на примере города Чугучак в первые годы после

³ Курсив автора – И. Х.

⁴ Русско-китайские отношения 1689–1917. Официальные документы. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 26.

заключения Кульджинского договора 1851 г.⁵ Важно подчеркнуть, что в настоящей статье используется документ, ранее не задействованный в историографии русско-китайской торговли, – «Правила торговли с Западным Китаем»⁶. Так называемые «Правила сухопутной торговли» редакций 1862 г., 1869 г. и 1881 г. прилагались к русско-китайским договорам, заключенным в соответствующий период⁷. Документ подробно рассматривали особенности двусторонней торговли России и Китая по монгольскому, кяхтинскому направлению. Подобный же документ прилагался и к Кульджинскому договору 1851 г. В отечественной литературе о нем упоминал в своих работах Н. А. Халфин, ссылаясь на центральный архив Узбекистана [26, с. 42]. Упоминание «Правил торговли с Западным Китаем» можно увидеть и в исследованиях историка из Казахстана С. Б. Кожировой [12]. Однако авторы ограничивались лишь констатацией существования данного документа. «Правила торговли с Западным Китаем» также отсутствуют в сборниках русско-китайских официальных документов⁸. В материалах К. А. Скачкова из фонда НИОР РГБ удалось обнаружить полный текст названного документа из 16 статей, прилагаемого к Кульджинскому договору 1851 г.⁹ Найденный источник поможет углубить анализ заявленной в статье проблемы.

С точки зрения методологии исследование основывается на принципах системно-исторического и сравнительно-исторического подходов. Сравнительно-исторический метод позволяет провести сопоставление проблемы контрабандной торговли русской золотой и серебряной монетой в Синьцзяне со схожими процессами в рамках русско-китайской торговли в Кяхте на границах с Монголией. Системно-исторический подход позволяет рассматривать проблему нелегальной русско-китайской торговли как следствие макропроцессов международных отношений – экономического открытия Китая, финансового кризиса империи Цин. Большое значение для данного исследования представляет метод исторической реконструкции, который позволил детально восстановить процесс торговли русских купцов и контрабандистов, осуществлявших торговые операции на территории Западного Китая в середине XIX в.

Основу исследования составил анализ уникальных документов русского консула К. А. Скачкова, которые позволяют полноценно и детально раскрыть заявленную в статье проблематику.

Проблема контрабандной торговли золотой и серебряной монетой

Согласно условиям Кульджинского договора 1851 г. в Синьцзяне разрешалась меновая торговля – обмен товара на товар. Ввоз в регион золотой и серебряной монеты, а также иностранной монеты был запрещен¹⁰. В то же время империя Цин испытывала острый финансовый кризис, связанный с оттоком серебра из страны, на которое закупался опиум [27, с. 383]. Китай нуждался в иностранных драгоценных металлах. Прямым следствием этого стало развитие контрабандной торговли в Синьцзяне, когда китайский товар незаконно покупался на русскую монету, а затем тайно перевозился в Россию. «Возникшее в Китае, с 1842 года, вследствие войны с Англичанами, большое требование на золото и серебро открыло возможность приобретать от Китайцев чай за драгоценные металлы 30 и даже 40 % дешевле, чем по вымену на товары»¹¹, – отмечается в источниках. Такая выгодная возможность приобретения китайского чая сводила на нет все попытки борьбы с нелегальной денежной торговлей [28, с. 43].

Контрабандой занимались в основном среднеазиатские купцы, долгие годы выступавшие посредниками в торговле России и Западного Китая [10, с. 212]. В отличие от русских купцов, согласно «Правилам торговли с Западным Китаем», прилагаемым к Кульджинскому договору 1851 г., восточные торговцы, привозившие товар из Китая, должны были выплачивать таможенные пошлины¹². Подобные условия подтолкнули восточное купечество к незаконной торговле в Синьцзяне.

Русский консул в Чугучаке А. А. Татаринов отмечал, что в первый год после заключения Кульджинского договора 1851 г. контрабанда монетой нанесла убыток торговле на сумму в 50 тыс. руб. С развитием торговых отношений увеличивалась и контрабанда: в 1854 г. убыток русской таможни составил 360 тыс.¹³. Одновременно испытывал трудности и русский сбыт в Синьцзяне. «Китайцы нуждаются не в вещах наших, а собственно только в золоте и серебре», – писал уже сменивший А. А. Татаринова на посту консула К. А. Скачков¹⁴.

Вывоз монеты, как указывал К. А. Скачков, осуществлялся по большей части не напрямую в Синьцзян, а через «киргизскую степь»¹⁵, т. е. на момент исполнения обязанностей консула К. А. Скачковым – через Семипалатинскую область, куда

⁵ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 273. К. 13. Ед. хр. 24.

⁶ НИОР РГБ. Ф. 273. К. 15. Ед. хр. 2. Л. 22 об.–23 об.

⁷ Русско-китайские отношения 1689–1917... С. 42, 49, 61.

⁸ Там же.

⁹ НИОР РГБ. Ф. 273. К. 15. Ед. хр. 2. Л. 22 об.–23 об.

¹⁰ Русско-китайские отношения 1689–1917... С. 26.

¹¹ РГИА. Ф. 1152. Оп. 5. Д. 215 а. Л. 274.

¹² НИОР РГБ. Ф. 273. К. 15. Ед. хр. 2. Л. 22 об.

¹³ НИОР РГБ. Ф. 273. К. 13. Ед. хр. 24. Л. 51.

¹⁴ Там же. Л. 54.

¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 273. К. 13. Ед. хр. 24. Л. 50.

вывоз монеты не был воспрещен. При открытости региона Северного Казахстана для вывоза монеты в «округах киргизской степи, и даже городах, серебрянная и золотая монета составляет известную редкость»¹⁶. Следовательно, приток монеты осуществлялся по большей части в Западный Китай. К такому выводу К. А. Скачков приходит на основе количества мест чая, проданных в Чугучаке в период 1853–1860 гг.

Консулом подмечено и то, что с момента учреждения консульства сбыт монеты значительно вырос: «до русского консульства контрабанда тут была слаба, вывозилось на 50000 тыс. руб. не более чем 1500 мест чая, что приносило ущерб таможням до 51 тыс. рублей»¹⁷. С 1853 г. вывоз чая за монету начал расти: «на третий год по учреждении Консульства цифра 360000 рублей указывает, что контрабанда усилилась в 7 раз, и принесла ущерба таможням, от вывоза контрабандного чая на сумму 380 тыс. рублей»¹⁸. Наконец, «с 1856 г. когда здесь консульство было закрыто, контрабанда очень значительно сократилась, принося таможням ежегодно ущерба до 128 тыс. руб., а с 1859 г. там с приходом сюда консула, контрабанда стала опять усиливаться»¹⁹. Исходя из приведенных данных, можно увидеть, что цена места чая составляла около 30 тыс. руб. Отсутствие уплаты таможенной пошлины при контрабандной торговле приносило значительный ущерб таможням.

Неоднозначная роль консульства объясняется объективными обстоятельствами, сложившимися в Китае и повлиявшими на характер внешнеторговых отношений империи Цин с другими государствами. Отток серебра из Китая, на которое закупался опиум, к середине XIX в. вызвал финансовый кризис, связанный с недостатком серебра внутри страны²⁰. Данное обстоятельство определило большой спрос у китайцев на серебро и золото в Синьцзяне. До открытия фактории и консульства в данном регионе вывоз русской мануфактуры был мал, значит, невелик был и спрос на монету. Началу деятельности консульства сопутствовало и увеличение торговли, а следовательно, и спроса на золото и серебро. Таким образом, легализация русско-китайской торговли в Западном Китае и рост русского экспорта спровоцировали рост контрабанды монеты.

В числе товаров, запрещенных к ввозу в Западный Китай, значились золото и серебро в слитках, российская золотая и серебрянная монета, а также иностранная монета²¹. Однако не существовало запрета на ввоз золотых и серебрянных

изделий. Но при кажущейся необходимости, как отмечает консул, сбыт данного вида товара не увеличивался, а наоборот, падал. Анализ данной проблемы, который провел консул в Чугучаке, показал весьма характерные недостатки данного русского экспортного товара. Причина упадка сбыта золотых и серебрянных изделий, привозимых на среднеазиатский рынок русскими купцами, заключалась в их качестве и внешнем виде. «Когда в здешнюю факторию первый раз привезли наши грубые и необработанные серебряные блюда и ложки, то китайские купцы сходились смотреть на них как на неизящные редкости, и этим осмотром и ограничились... Когда они увидели намерение нашего купца продать эти изделия ценой на вес серебра, то тотчас же усомнились в достоинстве этих изделий, ... не вообразив даже, что бы на свете виделись такие непредставительные изделия из столь дорогого металла»²². Простота и отсутствие изящества во внешнем виде товара вызвали множество вопросов у китайцев: «когда купец наш объяснил, что они приготовлены в России собственно для продажи серебра в Чугучаке, вместо монеты и слитков, которые запрещены к привозу сюда, то китайцы обиделись, полагая, что русские дурачат их: они соглашались, что монета запрещена к привозу сюда, но никак не могли понять, почему к привозу запрещены слитки серебра и не запрещены те же слитки, разбитые в такие неблагообразные формы»²³. В конечном итоге сбыт изделий из серебра был начат, «но по такой низкой цене, что они не окупали своей внутренней стоимости: китайцы не могли привыкнуть к ним, не считая за хорошее серебро»²⁴.

Появление подделок на рынке серебряных товаров еще более усугубило положение вещей, оттолкнув китайских покупателей. В то же время казенные слитки серебра имели доступ в Синьцзян: «само правительство снабжает слитками... для содержания всего консульства»²⁵. Данное обстоятельство приводило китайских купцов в замешательство и усиливало их нежелание приобретать серебрянные и золотые товары. Улучшение качества последних, по мнению К. А. Скачкова, не гарантировало положительные изменения: «купцам невыгодно везти хорошо сделанные золотые и серебряные вещи, когда китайцы нуждаются не в вещах наших, а собственно только в золоте и серебре»²⁶. На чугучакском рынке и в Синьцзяне в целом создались благоприятные условия для контрабандной торговли монетой.

¹⁶ Там же.

¹⁷ НИОР РГБ. Ф. 273. К. 13. Ед. хр. 24. Л. 51.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ НИОР РГБ. Ф. 273. К. 13. Ед. хр. 24. Л. 68.

²¹ НИОР РГБ. Ф. 273. К. 13. Ед. хр. 24. Л. 53.

²² НИОР РГБ. Ф. 273. К. 13. Ед. хр. 24. Л. 54.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

В этой ситуации сформировалась конкуренция между купцами, продолжавшими разрешенную меновую торговлю, и торговцами, незаконно провозившими монету через таможенную и покупавшими на нее товар. Ценность, придаваемая в Китае золоту и серебру, определила выбор китайских купцов²⁷. По этой причине торговцы, привозившие в Чугучак русскую монету, приобретали чай более высокого качества, чем продавцы мануфактурных и других товаров. Кроме того, перевоз монеты в Западный Китай обходился гораздо быстрее и дешевле, чем перевоз товара, следовательно, контрабандист находился в более выгодных условиях, чем законный торговец²⁸.

Так, начальным этапом торговой деятельности русского купца являлась закупка товара на Нижегородской ярмарке. Товар закупался в мае (в примере К. А. Скачкова – 1859 г.) в кредит на 8-ми месячный срок. В ноябре этого же года в Чугучаке русский товар выменивался на китайский чай²⁹. В декабре чай прибывал на Семипалатинскую таможенную, где с него взималась пошлина (согласно «Правилам торговли с Западным Китаем» чай являлся единственным китайским товаром, с которого взимался таможенный налог³⁰).

В феврале следующего года товар доставлялся на Ирбитскую ярмарку. Общий срок торговой операции от закупки товара в России до доставки китайского чая на ярмарку из Чугучака составлял около 9 месяцев. На ярмарке купец должен был продать чай и заплатить долг за товар, который он брал в кредит. Затем операция повторялась – в кредит закупался товар и отправлялся в Чугучак. Общая сумма расходов русского купца согласно данным К. А. Скачкова составляла 19708 руб.³¹ (табл.³²).

Ключевое отличие в процессе торговли контрабандиста от купца заключалось в том, что контрабандист приобретал на Нижегородской ярмарке не товар, а монету, за которую он платил кредитными билетами. Уже в Чугучаке за русские деньги покупался чай, но доставка его в Россию велась не через таможенную, а посредством передачи чая «киргизу-комиссару»³³, который переносил товар за соответствующую плату через таможенную линию. Общий расход контрабандиста составлял 13060 руб.³⁴. Разница с расходами купца получалась весьма значительная. Так, если каждое место чая (ящик чая) обходилось русскому купцу в 98 руб. 54 коп., то контрабандисту – 65 руб. 30 коп. Дешевле данных цен, исходя из соображений коммерческой выгоды, купец и контрабандист продавать свой чай не могли. Цены же на Нижегородской ярмарке были зафиксированы:

Табл. Расходы нижегородского купца, торгующего в Чугучаке

Tab. Expenses of a Nizhny Novgorod merchant trading in Chuguchak

Статья расходов	Сумма (руб.)
Переход из Семипалатинска в Нижний Новгород с приказчиками и двумя работниками	125
Аренда помещения в течение одного месяца (на ярмарке)	50
Расходы, сопряженные с покупкой товара	40
Укупорка приобретенного товара	30
Доставка товара из Нижнего Новгорода в Чугучак	700
Переезд купца из Нижнего Новгорода в Семипалатинск	80
Аренда помещения и содержание приказчика и двух работников в фактории в течение одного месяца	10
Укупорка купленного чая (200 мест чая)	160
Доставка чая из Чугучака в Семипалатинск	600
Пошлина в Семипалатинской таможене (200 мест чая)	6400
2 % за 3-х месячный заем суммы	128
Доставка чая из Семипалатинска в Ирбит	900
Переезд купца с его приказчиком из Семипалатинска в Ирбит	60
Помещение и содержание купца, приказчика и двух работников на Ирбитской ярмарке в течение одного месяца	40
Аренда помещения для склада товара	30
Расходы в Ирбите, связанные с продажей чая	30
Отдача долга за взятый кредит	10000
Непредвиденные расходы	25
Зарплата приказчику и двум работникам	300
Всего	19708

«в сем 1860 году стояли на чугучакский байховый чай на Ирбитской ярмарке от 98 до 100 рублей за место»³⁵. Следовательно, купив в Чугучаке чай за 65 руб. 30 коп. за место чая, контрабандист мог продать его на русской ярмарке за 100 руб. К примеру, К. А. Скачков указывал, что купец зарабатывал на ярмарке за каждое проданное место чая около 40 коп., в то время как контрабандист

²⁷ Там же. Л. 56.

²⁸ Там же. Л. 57.

²⁹ Там же. Л. 68.

³⁰ НИОР РГБ. Ф. 273. К. 15. Ед.хр. 2. Л. 22 об.

³¹ НИОР РГБ. Ф. 273. К. 13. Ед.хр. 24. Л. 69.

³² Составлена по: НИОР РГБ. Ф. 273. К. 13. Ед. хр. 24. Л. 69.

³³ Там же. Л. 69 об.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 70.

«более чем на 15 % на затраченный капитал»³⁶. Учитывая указанные выше цифры расхода за доставку товара и установленные на ярмарке цены, контрабандная торговля оказывалась более выгодной.

Меновая торговля, исходя из приведенного выше анализа торговых операций русского купца и контрабандиста, проигрывала в конкурентной борьбе незаконной денежной. Но развитие контрабандной торговли было определено целым комплексом внутренних проблем в организации русско-китайских торговых отношений в Синьцзяне.

Кульджинский договор 1851 г., по мнению К. А. Скачкова, «чист от всяких недостатков, все его 17 статей отчетливо стоят за права и выгоды нашей торговли, не задевая самолюбия китайцев, не затронув достоинства России»³⁷. В то же время реализация торговых отношений в Восточном Туркестане столкнулась с проблемами, которые Кульджинский договор ввиду своего общего, без детализаций частных, характера, не предусмотрел. По мнению консула, «все недостатки в упадке нашей торговли в Чугучаке скрываются: в узаконениях таможенного устава, по которому запрещалось ввозить монету в Западный Китай, разрешает однако ввозить ее в окружающие округа киргизских степей; в недоверии китайцев к нашим серебряным изделиям; в недосмотре таможен, объездчиков; в мягкости существующих постановлений против контрабандистов; в лишении нашим купцам торгующим в Чугучаке, равенства в правах торговли по сравнению с Кяхтинскими собратьями»³⁸. Перечисленные проблемы вскрывают несовершенство русской таможенной организации и недосмотр русских производителей товара, отправляемого на экспорт в Западный Китай. Проблема юридического характера связана с отсутствием равенства для купцов, торгующих в Северной Монголии и Западном Китае, теоретически могла быть решена в Кульджинском договоре, однако, на наш взгляд, на момент 1851 г. рынок Синьцзяна был фактически неизвестен для русского купечества, и возникшие проблемы не могли быть предвидены. Необходимо учитывать и сопротивление китайской стороны при заключении договора, которая противилась предоставлению русскому купечеству широких прав в Синьцзяне.

Ситуация требовала введения мер борьбы с контрабандой. Со своей стороны консул К. А. Скачков предлагал записать всех среднеазиатских купцов, привозящих товар

из Синьцзяна в Россию, в состав русских купеческих гильдий³⁹. Упомянутые торговцы обязаны были бы платить гильдейские повинности.

«Правила торговли с Западным Китаем» уделяли большое внимание характеру торговли среднеазиатских купцов – «ташкентцам и другим азиатцам»⁴⁰. Так, 3 статья предоставила данным торговцам право беспошлинной торговли в 1852 г. Но для продолжения торговли в последующие годы купцам предписывалось вступить в гильдию⁴¹. Этот вопрос продолжает рассматривать 14 статья документа: «В случае если будут привезены на Сибирскую или Оренбургскую линию китайские товары заграничными Азиатцами, не платящими у нас никаких гильдейских повинностей... то с таковых товаров, имеет быть взимаема пошлина»⁴². При этом на чай, основной товар, ввозимый из Китая, для названных таможенных линий устанавливалась пошлина на 20 % выше, чем в Кяхте⁴³.

Перед иностранными купцами был поставлен выбор: либо отказаться от вступления в русские купеческие гильдии и платить высокие таможенные пошлины, либо все же принять русские требования, но при условии выплаты гильдейских повинностей. Среднеазиатские купцы в большинстве своем выбирали куда более легкий путь контрабандной торговли.

Действительно, огромная протяженность Оренбургской и Западно-Сибирской таможенных линий предоставляла условия для относительно легких контрабандных операций. Особенно сказывалась отдаленность таможенных постов и недостаток в обходчиках, при том что контрабандисты зачастую имели хорошую организацию и даже численный перевес⁴⁴.

К. А. Скачков отмечал и существенный недостаток таможенных правил, согласно которым вывоз русской монеты был разрешен в сопредельный с Синьцзяном Казахстан, откуда контрабандист уже легко мог перевезти деньги в Китай⁴⁵. Не существовало и адекватных мер наказания за контрабанду: задержанные подвергались конфискации товара и уплате пошлины, но не лишались права на дальнейшее ведение торговли⁴⁶. Закономерно, что на этом фоне «азиатцы» не принимали русских условий.

В качестве второй меры борьбы с контрабандой К. А. Скачков предлагал установить обязательное наличие свидетельства от русского консула, предоставленного для товаров, провозимых через Сибирскую или

³⁶ Там же. Л. 70 об.

³⁷ НИОР РГБ. Ф. 273. К. 13. Ед. хр. 24. Л. 72.

³⁸ НИОР РГБ. Ф. 273. К. 13. Ед. хр. 24. Л. 73.

³⁹ Там же. Л. 75.

⁴⁰ НИОР РГБ. Ф. 273. К. 15. Ед. хр. 2. Л. 22 об.

⁴¹ Там же. Л. 22 об.

⁴² Там же. Л. 23 об.

⁴³ Там же. Л. 23 об.

⁴⁴ НИОР РГБ. Ф. 273. К. 15. Ед. хр. 24. Л. 77.

⁴⁵ Там же. Л. 73.

⁴⁶ Там же. Л. 79.

Оренбургскую линию из Синьцзяна⁴⁷. Надо заметить, что статьи 5, 6 и 7 «Правил торговли с Западным Китаем» предусматривали большую роль консула в организации русско-китайской торговли. В Кульдже и Чугучаке купцы должны были объявлять консулу о количестве и содержании ввозимого и вывозимого товара и о направлении следования каравана. Консул также имел право досмотра привезенного товара. Сам К. А. Скачков следующим образом описывал процесс контроля за русскими купцами, применяемый им в Чугучаке: «с самого приезда купца в факторию, до отъезда его отсюда, я не оставляю без того, чтобы он не был у меня беспрестанно, я захожу часто в его амбар где осматриваю и прицениваюсь к товару... даже слежу за его корреспонденцией с Россией»⁴⁸. Поскольку власть консула не распространялась дальше пределов фактории, у контрабандиста имелась возможность держать приобретенный товар в ташкентском подворье и совершать незаконные сделки с китайскими купцами в Чугучаке в обход консульства⁴⁹. С другой стороны, учитывая перечисленные выше трудности таможенного контроля вдоль Оренбургской и Западно-Сибирской линий, предложение консула о необходимости наличия обязательного билета для импортного товара вряд ли могло решить назревшие проблемы.

Заключение

Проведенный анализ показывает весьма противоречивую ситуацию, сформировавшуюся на русско-китайском рынке в Синьцзяне в первые годы после заключения Кульджинского договора 1851 г. В то время как Китай и китайское купечество остро нуждались в серебре, Кульджинский договор 1851 г. установил меновой характер торговли в Кульдже и Чугучаке. Большую часть товаров из Синьцзяна к рус-

ским границам продолжали привозить среднеазиатские купцы, которые не состояли в русских купеческих гильдиях и были обязаны платить таможенные пошлины. Последнее обстоятельство подтолкнуло восточных купцов к контрабандной торговле. Наконец в самом Синьцзяне китайцы предпочитали заключать сделки с торговцами, предлагающими обмен на русскую монету, а не на мануфактуру, что делало контрабанду намного выгоднее в сравнении с официальной торговлей.

Меновой характер русско-китайской торговли в Синьцзяне был главным фактором, способствующим развитию контрабанды. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Кяхте в начале 50-х гг. XIX в. [22; 29]. В свою очередь поддержка менового торгового с Китаем была обусловлена опасением, что с введением товарно-денежных отношений китайские купцы окончательно откажутся от покупки русской мануфактуры и торговля с Китаем превратится в односторонний процесс покупки китайского чая на русские деньги [10; 29]. Однако именно эта причина – упадок русского сбыта в Китай и постепенное сокращение товарооборота Кяхты – вынудила правительство России двумя последующими друг за другом указами 1853 г. и 1854 г. отменить меновую торговлю на кяхтинском рынке [10, с. 267].

В этот же период Синьцзян демонстрировал несколько иную ситуацию. Правительство России стремилось поддержать молодой русско-китайский рынок. Меновая торговля рассматривалась как гарант сбыта русского товара и поддерживалась для Западного Китая вплоть до начала 60-х гг. XIX в.⁵⁰ Обратной стороной подобной политики стало широкое развитие контрабандной торговли русской золотой и серебряной монетой в Синьцзяне в 50-е гг. XIX в.

Литература

1. Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1983. 309 с.
2. Fairbank J. K. Trade and diplomacy on the Chinese coast. The opening of the treaty ports 1842–1853. Cambridge: Harvard university press, 1953. 468 p.
3. Корсак А. К. Историко-статистическое обозрение торговых отношений России с Китаем. Казань: И. Дубровин, 1857. 445 с.
4. Веселовский Н. И. Поездка Н. И. Любимова в Чугучак и Кульджу в 1845 году под видом купца Хорошева. СПб.: Тип. Министерства Путей Сообщения, 1909. 52 с.
5. Мамутахунов У. Торговля России с Западным Китаем в XIX в. // Сборник студенческих работ Среднеазиатского государственного университета. Ташкент: Среднеазиатский гос. ун-т, 1949. С. 39–66.
6. Спасский Г. И. О торговых отношениях России с западным Китаем. М.: Тип. А. Степанова, 1856. 28 с.
7. Богоявленский Н. В. Западный Застенный Китай: Его прошлое, настоящее состояние и положение в нем русских поданных. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1906. 418 с.
8. Субботин А. П. Чай и чайная торговля в России и в других государствах. СПб.: Тип. Северного телеграфного агентства, 1892. 657 с.
9. Крит Н. Материалы для обсуждения вопросов о чайной торговле. СПб.: Тип. В. Н. Майкова, 1864. 200 с.
10. Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем. М.: ИДВ РАН, 1978. 363 с.

⁴⁷ Там же. Л. 75.

⁴⁸ Там же. Л. 60.

⁴⁹ Там же. Л. 57.

⁵⁰ Государственная внешняя торговля в разных ее видах за 1861 год. СПб.: Тип. департамента внешней торговли, 1862. С. 10.

11. Моисеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул: АзБука, 2003. 346 с.
12. Кожирова С. Б. Русская торговля в Синьцзяне после заключения Кульджинского договора 1851 года // Россия, Сибирь и государства Центральной Азии (взаимодействие народов и культур): мат-лы Регион. конф. (Барнаул, 14 октября 1997 г.) Барнаул, 1997. С. 43–49.
13. Галиев В. В. Казахстан в системе российско-китайских торгово-экономических отношений в Синьцзяне (конец XIX – нач. XX в.). Алматы: Ин-т истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, 2003. 189 с.
14. Шкунов В. Н. Синьцзян в системе российско-китайской торговли в XIX в. // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т. 19. № 3. С. 139–145.
15. Скворцова Л. А. Кульджинский трактат 1851 г. и его влияние на торгово-экономические отношения России и Китая в XIX в. // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования: сб. науч. ст. Междунар. конф. (Барнаул, 14–17 ноября 2017 г.) / отв. ред. Е. Д. Родионов. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 2088–2091.
16. Кравченко Е. А. Синьцзян как форпост российско-китайской торговли в XIX в. // Роль науки и образования в модернизации современного общества: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Магнитогорск, 13 июня 2019 г.) Уфа: ООО АМИ, 2019. Ч. 2. С. 73–76.
17. Ермолаев А. Н. Торговля Российско-американской компании с Западным Китаем // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. Вып. 2. С. 23–25.
18. Шеметова Т. А. О влиянии географических условий на характер и активность контрабандной торговли в приграничных регионах Синьцзяна и СССР в первой половине 20-х гг. XX в. // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. Режим доступа: <https://www.science-education.ru/article/view?id=18436> (дата обращения: 15.01.2020).
19. Солонченко Е. А. «Запрещенные товары» в контексте российско-китайских отношений в 40–50-е гг. XIX в. // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2012. № 1. С. 226–231.
20. Ляпустин С. Н. Торговля между Россией и Китаем продукцией охотничьего, зверобойного и иных видов промыслов и борьба с ее контрабандой в конце XIX – начале XX в. // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2017. № 3. С. 56–65.
21. Синченко В. В. Контрабанда спирта и наркотиков на русско-китайской границе (вторая половина XIX – начало XX века) // Силовые структуры и общество: исторический опыт взаимодействия в Сибири: мат-лы науч.-теорет. семинара. (Иркутск, 24–25 июня 2003 г.) / отв. ред. В. В. Черных. Иркутск: Оттиск, 2003. С. 39–49.
22. Курас Л. В. Кяхтинская таможня в первой половине XIX в.: контрабанда и борьба с ней // Власть. 2012. № 10. С. 179–182.
23. Цыденова Л. Б. Кяхтинская торговля и таможенная политика России // Труды Кяхтинского краеведческого музея им. академика В. А. Обручева: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Кяхта: история, наследие, современность», посв. 290-летию г. Кяхта. (Кяхта, 14–15 сентября 2018 г.) Улан-Удэ: БИП СО РАН, 2018. С. 93–101.
24. Казанцева Н. Г., Карпович О. Г. Правоохранительная деятельность таможенных органов на восточных окраинах российского государства: историко-правовой аспект // Юридическая наука и практика: Вестник нижегородской академии МВД России. 2017. № 4. С. 56–62.
25. Ляпустин С. Н. Роль и место казачества Дальнего Востока в борьбе с контрабандой на Дальнем Востоке России // Казачество. 2016. № 15. С. 63–73.
26. Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М.: Изд-во вост. лит., 1960. 272 с.
27. Непомнин О. Е. История Китая. Эпоха Цин. М.: Вост. лит., 2005. 712 с.
28. Единархова Н. Е. Кяхта и кяхтинская торговля (40–60-е гг. XIX в.). Иркутск: Оттиск, 2015. 164 с.
29. Тагаров Ж. З. Монгольский транзит и русско-китайская кяхтинская торговля в конце XVII – начале XX веков // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука). Иркутск: Изд-во БГУ, 2015. Кн. 5. С. 183–199.

Illicit Trade in Russian Gold and Silver Coins in West China in 1850's (based on the Materials of the Russian Consul K. A. Skachkov)

Ildar R. Hamzin ^{a, @}

^a Ural Federal University, Russia, Ekaterinburg

@ ildar.hamzin1991@mail.ru

Received 20.01.2020. Accepted 27.02.2020.

Abstract: The present research featured the illicit trade in Russian gold and silver coins in Xinjiang in the 1850's. The paper focuses on the problems of control and customs services, as well as on the difficulties connected with the trade in Russian goods. The historical analysis was based on the documents written by Konstantin Adrianovich Skachkov, the then Russian Consul in Chuguchak. The materials were obtained from the Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. In his report, Consul K. A. Skachkov compared the state of the markets of the Russian-Chinese trade in Chuguchak and Kyakhta. He highlighted the broad prospects for trade development in Xinjiang. The Consul paid great attention to the problems on the young market of Central Asia and proposed some measures to improve the situation. He performed a comparative analysis of the trading activities of a Russian merchant and a smuggler. The analysis makes it possible to reconstruct the trading process, determine the cost of transportation, and formulate the commercial benefit resulting from the legal trade and the contraband trade. K. A. Skachkov concluded that despite the high potential for trade development, the region was torn apart by substantial internal contradictions and demanded greater attention from the government. The illicit trade in Russian coins was caused by the barter trading on the Xinjiang market in 1850's.

Keywords: Russian-Chinese trade, smuggling, barter trade, Central Asia, Xinjiang, Chuguchak

For citation: Hamzin I. R. Illicit Trade in Russian Gold and Silver Coins in West China in 1850's (based on the Materials of the Russian Consul K. A. Skachkov). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 88–97. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-88-97>

References

1. Gurevich B. P. *International relations in Central Asia in the XVII – first half of the XIX century*. Moscow: Nauka, 1983, 309. (In Russ.)
2. Fairbank J. K. *Trade and diplomacy on the Chinese coast. The opening of the treaty ports 1842–1853*. Cambridge: Harvard university press, 1953, 468.
3. Korsak A. K. *Historical and statistical review of the commercial relations of Russia with China*. Kazan: I. Dubrovin, 1857, 445. (In Russ.)
4. Veselovskii N. I. *Trip of N. I. Lyubimov in Chuguchak and Kuldzha in 1845 under the guise of merchant Khoroshev*. St. Petersburg: Tip. Ministerstva Putei Soobshcheniia, 1909, 52. (In Russ.)
5. Mamutakhunov U. Russia's trade with Western China in the XIX century. *Collection of student works of the Central Asian State University*. Tashkent: Sredneaziatskii gos. un-t, 1949, 39–66. (In Russ.)
6. Spasskii G. I. *On Russia's trade relations with Western China*. Moscow: Tip. L. Stepanova, 1856, 28. (In Russ.)
7. Bogoiavlenskii N. V. *Western China: the Past, present state and position in it of Russian subjects*. St. Petersburg: Tip. A. S. Suvorina, 1906, 418. (In Russ.)
8. Subbotin A. P. *Tea and tea trade in Russia and other countries*. St. Petersburg: Tip. Severnogo telegrafnogo agentstva, 1892, 657. (In Russ.)
9. Krit N. *Discussion materials on tea trade*. St. Petersburg: Tip. V. N. Maikov, 1864, 200. (In Russ.)
10. Sladkovskii M. I. *History of trade and economic relations of the peoples of Russia with China*. Moscow: IDV RAN, 1978, 363. (In Russ.)
11. Moiseev V. A. *Russia and China in Central Asia (the second half of the XIX century – 1917)*. Barnaul: AzBuka, 2003, 346. (In Russ.)
12. Kozhirova S. B. Russian trade in Xinjiang after the conclusion of the Treaty of Kulja in 1851. *Russia, Siberia and the Central Asian states (interaction of peoples and cultures)*: Proc. Region. Conf., Barnaul, October 14, 1997. Barnaul, 1997, 43–49. (In Russ.)
13. Galiev V. V. *Kazakhstan in the system of Russian-Chinese trade and economic relations in Xinjiang (late XIX – early XX centuries)*. Almaty: In-t istorii i etnologii im. Ch. Ch. Valikhanova, 2003, 189. (In Russ.)

14. Shkunov V. N. Xinjiang in the system of Russian-Chinese trade in the XIX century. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2017, 19(3): 139–145 (In Russ.)
15. Skvortsova L. A. Ghulja treaty of 1851 and its influence on trade and economic relations between Russia and China in the XIX century. *Lomonosov readings in Altai: fundamental problems of science and education: Proc. Intern. Conf.*, Barnaul, November 14–17, 2017, ed. Rodionov E. D. Barnaul: AltGU, 2017, 2088–2019. (In Russ.)
16. Kravchenko E. A. Xinjiang as an Outpost of Russian-Chinese trade in the XIX century. *The role of science and education in modernizing modern society: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Magnitogorsk, June 13, 2019. Ufa: OOO AMI, 2019, 73–76. (In Russ.)
17. Ermolaev A. N. Trade of the Russian-American company with Western China. *Humanitarian sciences in Siberia*, 2011, (3, iss. 2): 23–25. (In Russ.)
18. Shemetova T. A. About the influence of geographical conditions on the nature and activity of smuggling in the border regions of Xinjiang and the USSR during the first half of the 20-ies XIX century. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniia*, 2017, (1-1). (In Russ.) Available at: <https://www.science-education.ru/article/view?id=18436> (accessed 15.01.2020).
19. Solonchenko E. A. "Forbidden goods" in Russian-Chinese relations context in 1840–1850's. *Intelligence. Innovations. Investments*, 2012, (1): 26–31. (In Russ.)
20. Lyapustin S. N. Trade between Russia and China on products of hunting, trapping and other types of crafts and combating its smuggling in the late XIX – early XX century. *Gumanitarnyye aspekty okhoty i okhotnichego khoziaistva*, 2017, (3): 56–65. (In Russ.)
21. Sinchenko V. V. Smuggling of alcohol and drugs on the Russian-Chinese border (second half of XIX – beginning of XX century). *Power structures and society: historical experience of interaction in Siberia: Proc. Sci.-Theor. Seminar*, Irkutsk, June 24–25, 2003, ed. Chernykh V. V. Irkutsk: Ottisk, 39–49. (In Russ.)
22. Kuras L. V. Kyakhta customs in the first half of the XIX century: smuggling and the fight against it. *Vlast*, 2012, (10): 179–182. (In Russ.)
23. Tsydenova L. B. Kyakhta trade and customs policy of Russia. *Works of the V. A. Obruchev Kyakhta Museum of Local Lore: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. "Kyakhta: history, heritage, modernity"*, dedicated ehe 290th anniversary of Kyakhta, Kyakhta, September 14–15, 2018. Ulan-Ude: BIP SO RAN, 2018, 93–101. (In Russ.)
24. Kazantseva N. G., Karpovich O. G. Customs bodies law enforcement activity on East suburbs of the Russian state: historical and legal aspect. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia*, 2017, (4): 56–62. (In Russ.)
25. Lyapustin S. N. The role and place of the Far East Cossacks in the fight against smuggling in the Far East of Russia. *Kazachestvo*, 2016, (15): 63–73. (In Russ.)
26. Halfin N. A. *Russian policy in Central Asia (1857–1868)*. Moscow: Izd-vo vost. lit., 1960, 272. (In Russ.)
27. Nepomnin O. E. *History of China. The Era of the Qing*. Moscow: Vost. lit., 2005, 712. (In Russ.)
28. Edinarkhova N. E. *Kyakhta and Kyakhta trade (40–60-ies of the XIX century)*. Irkutsk: Ottisk, 2015, 164. (In Russ.)
29. Tagarov Zh. Z. Mongolian transit and Russian-Chinese Kyakhta trade in the late XVII – early XX centuries. *Russia and Mongolia in the first half of the XX century: conceptual issues of Russian-Mongolian relation (diplomacy, economics, science)*. Irkutsk: Izd-vo BGU, 2015, book 5, 183–200. (In Russ.)